

Эльмира АХУНДОВА

*Ты моя
Родная мать, Свобода.
А я - твоё дитя,
Выросшее у чужих дверей.*

(подстрочный перевод)

Поэзия Вагифа Самедоглу всегда взрывала привычные каноны, всегда была бунтарской по своей сути. Таким, внутренне свободным, он был в советскую эпоху, таким остался и по сей день.

Расскажу вам одну потрясающую историю. В тот день, когда из СССР изгнали Солженицына, Вагиф с горя крепко выпил, в Баку как раз приехали московские киношники. И вот в этой компании Вагиф Самедоглу произнес тост за опального писателя. На банкете было человек 30.

рогойтовой повел он себя в карабахском конфликте! Или Сергей Ковалев: 11 лет этот человек провел в тюрьмах и психушках. Я в Страсбурге пошел с ним как-то обедать в ресторан. И он мне откровенно сказал: "Мы все понимаем. Но армяне - наши, христиане. Так уж получилось, Вагифчик". Так что диссидентство - еще не критерий порядочности".

* * *

В последний год его буквально осаждали журналисты, бесцеремонно спрашивали, как он переносит свою болезнь, лезли в тайники души. Говорили с ним о немалом, в том числе о приближающемся для Вагифа физическом небытии. Мне было, честно говоря, не по себе. Я бы с ним на такие темы разговаривать не смогла. Это ведь очень интимное, сокро-

Латвию, - рассказывал мне Вагиф Самедоглу. - В Риге меня сопровождал известный латвийский поэт-переводчик Улдис Берзиньш, прекрасно знавший азербайджанский язык. Когда он меня синхронно переводил на различных литературных "посиделках", латыши удивленно восклицали: "Не может быть! Чтобы такие стихи публиковались в советских журналах!" Они не верили. Улдис перевел некоторые из этих стихов, но не смог их опубликовать в журнале "Атмода"! Хотя меня, конечно, критиковали за "пессимизм", "абстрактный гуманизм", "формализм". В то же время я понимал, что если мои стихи публикуются, то это не только заслуга Айлисли в "Азербайджане" или Анара в "Гобустане". Значит, есть какая-то сила наверху, которая все это поддерживает.

"Я ЗДЕСЬ, ГОСПОДИ..."

В 2005 году меня включили в состав делегации Милли Меджлиса, которая представляла Азербайджан в Совете Европы. В первое время коллеги из европейских парламентов часто спрашивали меня о Вагифе Самедоглу: как он, почему не приехал? Многие огорчались, что больше не увидят его в составе азербайджанской делегации и просили передать привет.

Беседуя с людьми, представлявшими Азербайджан в ПАСЕ в одно время с Вагифом, я пыталась выведать у них тайну привязанности европейцев к азербайджанскому депутату. Ведь, насколько мне известно, Вагиф Самедоглу не отличался особым знанием иностранных языков и не был политическим оратором.

И все же феномен Вагифа делал свое дело - он просто разговаривал с западными политиками, иногда на серьезные темы, иногда шутил. Вечером мог пойти с ними в ресторан. Если попадался инструмент, играл на рояле классику или какую-нибудь джазовую импровизацию (Вагиф окончил Азгосконсерваторию и был блестящим музыкантом). И они ошарашено замолкали, глядя на этого лохотенного азербайджанца, чей облик так не вязался с навязываемым им западной пропагандой стереотипом "мусульманина".

В 2010 году в Габале в узком кругу друзей чествовали известного казахского поэта и общественного деятеля, большого друга Азербайджана Олжаса Сулейменова. Мне выпала честь быть ведущей этого замечательного вечера. И вот как я представила тогда Вагифа:

"Хочу предоставить слово народному поэту Азербайджана Вагифу Самедоглу. Мне кажется, что отношение к поэтическому слову роднит этих двух выдающихся поэтов - Олжаса и Вагифа. Для обоих поэт - это тот, кто всегда сторонится шаблонов, избитых мыслей и фраз. Олжаса всегда "тошнило от привычных аллегорий".

Вот как он говорит о выстраданной им свободе в поэме "Глиняная книга":

*Свобода - это не позерство,
а как и прежде эшафот,
где ни приятельства, ни дружбы,
великая до униженья.
Свобода требует не службы,
Служенья..."*

А сейчас я процитирую взлелеянные за десятилетия вынужденного молчания строки из книги Вагифа "Я здесь, Господи...":

"Первому" (секретарю ЦК) об этом, конечно же, донесли. Слава Богу, что Гейдар Алиев был мудрым человеком, поэтому обошлось без ощутимых последствий. Хотя тогда Вагифу грозило жестокое наказание вплоть до исключения из членов Союза писателей СССР. Позднее Гейдар Алиев как-то шуточно сказал Вагифу: "Yaman xuliqanlıqlarıdır!" И все".

Вот таким было мое представление Вагифа Самедоглу на вечеру его друга и собрата по перу Олжаса Сулейменова.

Эту удивительную свободу, внутреннюю свободу, свободу духа Вагиф сохранил до конца своих дней. "Я не приемлю деспотизма в любой форме - будь то деспотизм власти или оппозиции". Странно: власть ему эти слова, сказанные на заседании парламента, простила, а оппозиция нет. В тот же день, 24 ноября 2000 года, его вывели из состава дивана - руководящего органа партии "Мусавад".

Смешные люди: если эта партия чем-то и запомнится людям XXI века, то разве только тем, что в ее возрождении участвовали такие уникальные личности, как Юсиф и Вагиф Самедоглу. Вагифа можно было отлучить от той или иной организации, но разве можно стереть его имя из истории национально-демократического движения Азербайджана?

Вагиф был безусловным, стопроцентным диссидентом. Нонконформистом. Хотя, в отличие от своих российских собратьев, "не сидел", "не привлекался", "не выславался". Но, может, это на порядок более тяжкий крест - быть внутренним диссидентом в стране, которая тебя не понимает. Кстати, отношение Вагифа к российскому диссидентству и знакомым фигурам этого движения тоже было неоднозначным.

Как-то мне довелось беседовать с Вагифом и Анаром на эту тему: "Понимаешь, какая штука, - говорил Вагиф Самедоглу. - Российским диссидентством мы все гордились и сочувствовали ему, но, к великому сожалению, его представители в большинстве, в общепом, оказались не самыми порядочными людьми. Возьмите Андрея Дмитриевича Сахарова, я его очень уважал, он был моим кумиром. А как некрасиво, явно под диктовку своей жены и мадам Ста-

венное дело - твои размышления о жизни и смерти. Хотя я восхищалась силой духа Вагифа, который, как мне кажется, даже иногда бравировал этой смелостью.

Мне тоже очень хотелось поговорить с Вагифом, мы с ним давно договаривались поразмышлять над феноменом личности Гейдара Алиева, о котором я много лет писала документально-биографическую книгу. Но все как-то не складывалось. А потом Вагиф заболел, и мне стало неудобно его беспокоить. Я справлялась у Анара о состоянии здоровья Вагифа, просила передать ему привет. Но сама не звонила. Не решалась. А вдруг он подумает, что я засуетилась, узнав о его болезни.

Сейчас я корю себя за эту нерешительность, потому что, как оказалось, Вагиф был открыт для журналистов, до последнего дня жил полной жизнью и не отказывал себе ни в дружеском общении, ни в любимых привычках.

И все же у меня сохранилось небольшое размышление Вагифа Самедоглу о Гейдаре Алиеве и его взаимоотношениях с азербайджанской интеллигенцией.

"Я ездил со своими стихами, опубликованными в журнале "Азербайджан", в

Я хочу, чтобы наконец открыли архивы КГБ. Потому что я убежден: там будет сотен дел на писателей, их Гейдар Алиев просто не открыл. Не позволил открыть. Поэтому, когда он говорил: "bir nömrəli dissident mənim idim", он имел на это абсолютное право".

Талантливый азербайджанский поэт и переводчик Валех Рзаев 15 лет назад написал, что Вагиф внес в историю азербайджанской литературы такой же вклад, как, например, Артюре Рембо - во французскую.

"...Итальянцы, которые отвели ему особое место в Антологии современной азербайджанской поэзии, жалели, что он не итальянец. Грузины - что не грузин, западные немцы - что не немец. Латыши печатают его в рубрике современной классики. Польские интеллектуалы в разгар гонений на "Солидарность" (а они все принадлежали к оппозиции), убеждали меня в том, что Вагиф - "последний из могикан элитарной поэзии". Многие из них, находившиеся тогда под домашним арестом, тайком собирались в небольшом варшавском ресторанчике, чтобы, как они говорили, "поделиться с земляком Вагифа своей "импрессией" об этом "азербайджанском чуде". Неужели надо потерять человека, чтобы потом петь ему дифирамбы?"

(*"Вышка"*, 19.08.1990 г.)

К счастью, прогноз Валеха Рзаева не оправдался. Вагиф ушел от нас в зените славы, всенародной любви и уважения. И знаком высшей справедливости было награждение его в 2014 году орденом "Истиглал". Потому что Независимость - страны, государства, индивидуума - была для Вагифа выстраданным понятием.

...Пройдут годы, будут сменяться поколения. Но с течением лет не потускнеют ни личностная харизма, ни божественный дар Вагифа Самедоглу. Напротив, они будут светить нам все ярче и ярче. Правильно ведь сказал великий Сергей Есенин:

*"Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянии..."*

"Я ЗДЕСЬ, ГОСПОДИ..."

→ 03

Поэтесса Сона Велиева под впечатлением стихотворения Вагифа Самедоглу посвятила выдающемуся поэту оригинальные поэтические строки.

ОСТАТЬСЯ БЫ НАПОЛОВИНУ

*Не богач я, нет и ларца,
Куда бы спрятать груз судьбы.
Пусть Бог сразит не всего меня,
Пусть оставит наполовину для слез.*

(В.САМЕДОГЛУ)

*Жить бы отшельником,
умереть бы странником
в далеком городе,
по чужому адресу...
Убежать от друзей, родных,
не дававших покоя,
посягавших на одиночество
желанное мое.
Укрывшись в туман утренний
каспийский,
уйти б, со смертью сроднившись.
Испариться утром,
бесследно и вдруг,
не успев проснуться...
Не друга разочаровать,
Не обрадовать врага,
Не навеять бы грусть на улицы,
Не развеселить бы прохожего...
...Или избежать
торжества умирания.
Не умереть, а кануть в вечность.
Не просить слез и плача
ни у матери, ни у сестры.
Пока все спят, пока не проснулись дети,
все как-то вдруг,
пробудившись от долгого сна...
Но тут же разочароваться во всем.
Скучать не по родным,
а по себе бы немножко.
Скучали бы:
ноги -
по собственным следам,
ведущим к дому,
руки -
по стиранию пыли
с дорогих вещей,
глаза -
по родному имени
на двери.
И стих незавершенный
Скучал бы по слову
недописанному, одному...
Возгореться бы пламенем.
Разочароваться б в возжелаемом.
Пощадить бы родных
и детей своих.
Отпустить их с счастьем -
пожалеть.
Оплакать себя, свою боль и печаль,
одиночество духа
своим собственным плачем, лелея и любя,
как никто другой...
Остаться бы
хоть на половине пути.
И оставшись на полпути,
на прерванной дороге
вымолить ту половину пути,
что вела бы к родным.
Если и умрем, и уйдем,
то остаться бы наполовину
во всем...*

Перевод Кямали УМУДОВОЙ